

² См.: Ступин Л. П., Игнатъев К. С. Современный английский речевой этикет. Л., 1980. С. 106.

³ Гольдин В. Е. Речь и этикет. М., 1983. С. 65.

⁴ Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет. М., 1975. С. 89.

⁵ Формановская Н. И. Способы выражения просьбы в русском языке: прагматический подход // Русский язык за рубежом. 1984. № 6. С. 72.

⁶ См.: Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987. С. 145.

⁷ Красных В. П. Выражение согласия-несогласия с высказыванием собеседника // Русский язык за рубежом. 1970. № 1. С. 28.

Л. Р. СУПРУН-БЕЛЕВИЧ

ОБОЗНАЧЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОГОДЫ (теплая погода)

Важным показателем характеристики погоды является температура. В языке конкретизация понятий теплой и холодной погоды осуществляется при помощи различных наименований температурных характеристик в соответствии со степенью холода или тепла.

Самым общим (в плане семантики) обозначением теплой погоды являются наименования с праславянским корнем **tepl-*: русск. *тепло* 'теплое время года, суток, теплая погода', блр. *цяпло* 'теплая погода', укр. разг. *теплинь* 'очень теплая погода', диал. *теплина* 'теплая погода', в.-луж. *śopłota* 'жара', блгр. *топлина* 'теплая погода', словен. *toplota* 'теплая погода'. В других славянских языках слова с этим корнем используются для обозначения теплоты как физического явления. Праслав. *teplъ восходит к и.-е. корню **ter-* 'теплый' (ср.: др.-инд. *tapati* 'нагревает', авест. *tarauēiti* 'нагревает', лат. *terere* 'быть теплым', *teridus* 'теплый')¹.

Значительная часть славянских обозначений теплой погоды в своей основе имеет праславянский корень **gog-* с чередованиями гласных: русск. диал. *загрева* 'безветренная теплая погода', 'жаркая погода, солнцепек, зной', 'жаркая погода на море во время промыслов весной и летом', *сугрево* 'солнечное тепло, солнцепек, но умеренный', блр. *гарачыня*, польск. *gorąc* 'жара', в.-луж. *horgośc*, *horgota* 'жара, зной', чеш. *horko*, слов. *horičava*, блгр. *горецина*, словен. *gorčota* 'жаркая погода'. Корень **žag-*, являющийся фонетическим вариантом **gog-/ger-*, также представлен в славянских наименованиях теплой погоды: русск. *жара*, блр. разг. *жар*, *жара*, укр. *жара*, польск. *żag* чеш. *žag*, блгр. *жар* 'жаркая погода', диал. 'старое название месяца июля или августа'.

Праслав. **gog-/ger-* восходит к и.-е. **g^hher-* 'теплый, горячий, жаркий' (ср.: др.-инд. *ghorṇōti* 'светит, пылает', др.-ирл. *gorim* 'грею', алб. *zjarm* 'жара', греч. *therōmai* 'раскаляюсь', *theros* 'лето, урожай', лат. *formus* 'теплый', лит. *garėti* 'жечь', лтш. *izgareties* 'выгореть' (о печи)').

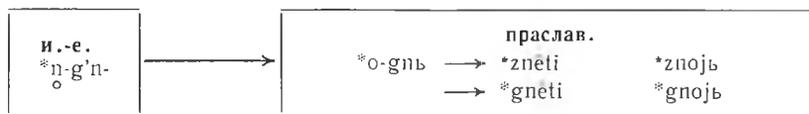
В южнославянских языках сильная жара обозначается лексемами с корнем **žeg-*: блгр. *жега*, диал. *жег*, макед. *жега*, с.-х. *жега*, *прежега* 'сильная жара, зной'. Корень восходит к и.-е. **dheg^h-* 'жечь, гореть' (ср.: др.-инд. *dāhati* 'горит, сжигает', авест. *dažaiti*, алб. *djik* 'сжигая', греч. *terhga* 'зола', лит. *dagas* 'жар, зной, жатва'). Начальное *ž-* появилось в результате ассимиляции: **deg-* → **geg-* → **žeg-*.

Во всех группах славянских языков зафиксированы наименования жаркой погоды с праславянским корнем **pek-*: русск. разг. *пекло*, *солнцепек*, блр. *спёка*, разг. *спякота*, укр. *спека*, *спекота*, польск. *spieka*, *spiekota*, блгр. *пек*, макед. *припека*, с.-х. *припека*, *упека* 'сильная жара, зной'. Праслав. **pek-* восходит к и.-е. **pek^h-* — 'варить, готовить' (ср.: др.-инд. *pācati* 'варит, печет, жарит', авест. *pačati* 'вареный', греч. *presso* 'варю', лат. *coquo* 'варю', алб. *pjek* 'пеку'). Наименования погоды с этим корнем являются результатом метонимии по сходству признаков.

Как обозначение жаркой погоды во всех группах славянских языков употребляется праслав. *znojь: русск. *зной*, блр. *зной*, укр. *зній*, польск.

zpoј, чеш. zpoј, словц. zpoј, блгр. зной, макед. зној, словен. zpoј 'жара'. По поводу этимологии этого слова существуют разные точки зрения. Наиболее распространенным является предположение о том, что общеслав. *zpoјь связано с русск. знеть 'тлеть, раскаляться', чеш. znět' 'тлеть' по аналогии с *бить* — *бой*, *вить* — *вой*, *гнить* — *гной*².

Связь праслав. *zpoјь и *gpoјь 'навоз, удобрение'³ правомерна с точки зрения фонетики и семантики. Чередование *g/*z, отражающее древний переход и.е. *g → праслав. *z, хотя и не слишком широко, но представлено в современных славянских языках: русск. *окунь* — *осетр*, общеслав. *suka* — блгр. *куче*, общеслав. *korva* — *serna*⁴ (ср. также лит. диал. žnībčiai — gnybtas, восточнослав. *азярод* — и.е. *g'herdh-). Семантически *zpoјь и *gpoјь связаны как названия явлений, имеющих общий признак, обозначаемый лексемой *žēgъ 'жар'. Эта семантическая связь имеет более глубокие корни. Очевидно, что глагол *znēti и образованное от него *zpoјь по значению близки праслав. *огнь: блр. *зніч* 'святой огонь у язычников', польск. *znicz* 'надгробное пламя', чеш. *zníč* 'святой огонь у древних литвинов и славян', блр. *знічка* 'падающая звезда'. По-видимому, и *gpoјь как обозначение удобрения связано с праслав. *огнь, поскольку образуется это удобрение в результате перетлевания травы и выделений и имеет высокую температуру (считается, что чрезмерное количество навоза может сжечь корни растений). Что касается фонетической оформленности лексемы *огнь, то наблюдения над соответствиями в индоевропейских языках показывают, что начальный гласный не является устойчивым (ср.: др.-инд. agní-h, лат. ignis, лит. ugnis). Нужно отметить также и такие славянские формы, как русск. диал. *знетить* 'разжигать, зажигать', *загнет* 'припечек', *загнёт*, *загнет* 'место в устье печки для сохранения жара', укр. *загніт* 'уголь для зарумянивания хлеба', укр. *гнітити* 'подрумянивать (хлеб)', польск. *pieścić*, чеш. *pítit'*, с.-х. *нєтити*, словен. *pētiti* 'зажигать, поджигать'. В качестве первичного и.е. корня выступает, вероятно, *n-k'ní-⁵ (в традиционной транскрипции *n-g'n-). Таким образом, происхождение общеслав. *zpoјь, а также его взаимосвязь с родственными *огнь и *gpoјь можно представить в виде схемы.

Для обозначения жаркой погоды в славянских языках используются также лексемы с корнем *rag-: русск. диал. *парун*, польск. *rag*, чеш. *rag-po*, словц. *sraga*, с.-х. *спара*, *запара*, словен. *soragisa* 'жара, духота, зной'. Соответствия в других индоевропейских языках не являются достаточными для реконструкции индоевропейского корня (ср.: греч. *ргe:tho*: 'зажигать, надувать', хетт. *рагаі-* 'надувать').

В некоторых южнославянских языках в качестве обозначений теплой погоды употребляются лексемы с праславянским корнем *jag-: блгр. диал. *јра* 'тепло', макед. диал. *јара*, с.-х. *јара* 'сильная жара, зной'. Этот корень используется во всех языках славянского мира в наименованиях весны: русск.-слав. *јра*, укр. *јрий* 'весенний, яровой', польск. *јаг*, н.-луж. *јаго*, чеш. *јаго*, словц. *јаго*, с.-х. *јар*, словен. *јаг* 'весенний, яровой'. Праслав. *jag- восходит к и.-е. *iēgo-/iōgo 'часть года, солнечный цикл' (ср.: греч. *ho:ra* 'пора, время года', авест. *уаг-* 'год', гот. *jēr* 'год', нем. *Jahr* 'год').

В некоторых западнославянских и южнославянских языках зафиксированы наименования теплой погоды с праславянским корнем *raĭ-, восходящим к и.-е. *roĭ-/*rĭo- 'нагреваться, зажигаться' (ср.: др.-исл. *flōg* 'горячий, теплый'): польск. *ураĭ*, словц. *ĭraĭ*, *paĭa*, с.-х. *пламеньача* 'сильная летняя жара'.

В польском и словацком языках для обозначения жаркой погоды используется заимствование из латинского *diēs canīculāres* 'самые жаркие

дни в году, «собачьи дни», когда солнце ближе всего к Сирнусу, в связи с чем эта звезда видна именно в жаркие дни¹: польск. kanikula, слов. kanikula 'жара, зной' (ср.: греч. название Сирнуса — $\kappa\upsilon\omicron:n$ 'пес Орiona', отсюда греч. $\kappa\upsilon\nu\kappa\alpha\upsilon\mu\alpha$ 'собачья жара', нем. Hundstagen, англ. dogsdays, франц. jours caniculaires).

В южнославянских языках для обозначения жары, зноя используются лексемы с корнем * $\upsilon\grave{g}$ -, который является одним из вариантов корня * $\upsilon\grave{a}r$ -/* $\upsilon\grave{o}g$ -: макед. *вручина*, с.-х. *вруџина*, словен. *vročina*. Корень восходит к н.-е. * $\upsilon\grave{e}g$ - 'жечь, зажигать' (ср.: арм. *vaġem* 'зажигая', *voġim* 'горю', алб. *voġbë* 'глиняный горшок для варки', лит. *verdu, viti* 'бурлить, кипеть', лтш. *verdu, virt* 'кипеть') и является общеславянским (например, русск. *вар* 'кипящая вода', с.-х. *вар* 'жар', чеш. *var* 'кипение').

Польск. *skwar, skwaga* 'жара', блр. *сквара* 'жара', укр. *сквар* 'жара, зной' имеют общеславянский корень * skvar -. Сближение с праслав. * skver - (русск. *скверный*, блр. *скверня* 'нечистоты', укр. устар. *скверний*, чеш. *skvrna* 'пятно, порох', слов. *skvrna* 'порох', словен. *skvrna* 'нечистоты') закономерно с фонетической точки зрения (возможно, * skvyrn - $\rightarrow$ $\rightarrow$ * skver -, * skvyrn - $\rightarrow$ * skvor -), однако семантически такое сближение маловероятно. Возможно, корень имеет звукоподражательную природу.

Итак, все корни, лежащие в основе славянских наименований температурных характеристик теплой погоды, являются праславянскими, а в большинстве случаев индоевропейскими: * tepl -, * gog -, * zeg -, * pek -, * znoj -, * pal -, * var -. Примечательно, что многие из этих корней использовались первоначально не как собственно обозначения метеорологических явлений, а как наименования предметов быта или связанных с ними явлений (* znoj 'пот', * zag 'жар от раскаленных угольев') и действий (* pekti , * paliti , * variti), что отражает связь хозяйственной деятельности человека с природой.

¹ Здесь и далее все индоевропейские соответствия даны по работе: Pokorny J. *Indogermanisches Wörterbuch*. Bern; München, 1959—1969. Т. 1—2.

² См.: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1967. Т. 2. С. 109.

³ См.: Младенов С. *Этимологически и правописен речник на българския книжовен език*. София, 1941. С. 194; Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika*. Zagreb, 1973. Т. 3. С. 659.

⁴ См.: Бернштейн С. Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М., 1961. С. 153.

⁵ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси, 1984. Т. 1. С. 257—258.

Р. А. ЧИЧИНСКАЯ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИМВОЛИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ИДИОСТИЛЕ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

Лирический субъект в идиостиле Ю. Балтрушайтиса является средоточием символических смыслов. Исходя из этого можно предположить, что все основные параметры символической модели мира осуществляются в рамках антропоморфной актуализации — в соотношении с символическим субъектом. Этим объясняется целесообразность структурно-семантического, а также функционального анализа лирического субъекта в идиостиле символистов, в данном случае — Ю. Балтрушайтиса.

Лирический субъект в идиостиле Ю. Балтрушайтиса может быть охарактеризован по двум семантическим параметрам: социальному и бытийному. Социальный статус субъекта обусловлен местом последнего в поэтически моделируемом социуме. Социальный субъект — это субъект активной творческой деятельности, преобразующий мир как материально, так и духовно. Социальный субъект локализуется в определенном, соответствующем его статусу пространстве. *Это — нива, поле* (субъект—